

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.

Гак В. Г. Проблема создания универсального словаря (энциклопедические, культурно-исторические и этнолингвистические аспекты) // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.

Комиссаров В. Н. Теория перевода. М., 1990.

Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: Наука, 1969.

Леонтьев А. А. Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977.

Мальцев В. И. Лексическое значение и понятие // Проблемы знака и значения. М., 1969.

Репринцева Н. М. Контрастивный анализ лексической группировки как основа ее лексико-графического описания / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.

Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2003.

Толковый словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1995.

Nykysuomen sanakirja. Porvoo; Helsinki; Juva, 1988. Kymmenes painos.

© *М. И. Муллонен*

СЛОВАРЬ ЖИВОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ

В издательстве Санкт-Петербургского университета завершена работа по изданию многотомного Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей (СРГК), первый том которого вышел в 1994 году. Выход последнего, шестого, тома — это большое событие для исследователей северно-русских говоров, которые получили богатый и надежный материал для исследований. Этот словарь продолжает серию региональных диалектных словарей, изданных в России в 1960—90-х годах.

Карелия — уникальная территория. Здесь происходили многовековые контакты между прибалтийско-финскими народами и русским населением края, проникавшим на эти земли начиная с XII века. Эти контакты оставили глубокий след в лексике как прибалтийско-финских языков (карельского, вепсского, финского, саамского), так и северно-русских говоров.

По словам главного редактора СРГК профессора Санкт-Петербургского университета Александра Сергеевича Герда, идея создания словаря принадлежит профессору Никите Александровичу Мещерскому, работавшему в конце 1950 — начале 1960-х годов в Карельском педагогическом институте. Первоначально он планировал региональный словарь более узкой территории — Заонежья, но, перейдя на работу в Ленинградский университет, Н. А. Мещерский привлек к работе над словарем А. С. Герда, большого энтузиаста и хорошего организатора словарной работы, и вместе они разработали план диалектного словаря всей Карелии. Поскольку Карелия исторически связана, с одной стороны, с Приладожьем, с другой — с Каргополом, то постепенно обрисовался большой ареал бывшей Обонежской пятины Великого Новгорода, а позднее Олонецкой губернии. Таким образом, ареал охвата лексики СРГК очень широк — от Новгородских земель на юге до берегов Белого моря на севере, от западной границы Карелии до Каргополя Архангельской области на востоке. Такой грандиозный проект потребовал большой подготовительной работы. А. С. Герд, став главным редактором словаря, провел огромную организаторскую работу, объединив научные силы многих вузов северо-запада России для сбора материала и составления словаря. Работа началась в 1964 году и длилась практически четверть века. О размахе работы говорит хотя бы тот факт, что словарь составлялся усилиями 60 авторов из 10 вузов. Первыми к работе Ленинградского университета подключились кафедры русского языка Петрозаводского университета и Карельского и Череповецкого пединститутов. Позже примкнули Вологодский, Кировский, Псковский, Костромской пединституты, а также Сыктывкарский университет. Для сбора материала весь регион был поделен между вузами, которые ежегодно проводили экспедиции, работавшие по общему скоординированному плану, причем в экспедициях наряду с преподавателями участвовали и студенты, которых на специальных семинарах обучали методике сбора материала. Интересно отметить тот факт, что большинство составителей словаря сами являются носителями диалектов.

Редколлегией словаря были тщательно разработаны принципы составления словаря. Каковы же критерии отбора лексики? В словарь включены разговорные слова, которых нет в современном литературном языке, представленном в 17-томном Толковом словаре русского языка, нелитературные формы слов, а также значения слов, свойственные только разговорной речи. Словарь составлен на высоком лексикографическом уровне, с большим знанием дела, недаром в процессе работы

проводились многочисленные семинары, где обговаривались все детали составительской работы.

Обращает на себя внимание детальная разработка значений слов. Так, например, глагол *лягаться* имеет 10 значений, а глагол *наладить* — 22 значения. В словарных статьях находит отражение многообразие семантических оттенков слов, свойственных разговорной речи. Примером может служить слово *место*, в котором каждое из 14 значений иллюстрируется цитатами, выбранными из записей диалектных текстов. Иллюстрации подобраны таким образом, что они не просто раскрывают значение слова, но в них отражаются все разнообразие деревенской жизни в прошлом и настоящем, материальная и духовная культура носителей языка. Иллюстративные цитаты содержат многообразную информацию о народной жизни, что является богатым материалом для исследователей. Здесь мы находим и описание народных обычаев, обрядов, костюмов, игр, кушаний, часто с рецептами приготовления. Например: «Здесь ленивые пироги пекут, хлеб засохнет, его ломочками нарежут, макнут в воду, сверху картофельное пюре и пекут» (IV, 515). «Картошка сгнивши, пирожное называлось, только на пироги» (IV, 515). «В кулай играли, по семь человек на кону: сначала мы прячемся, потом они прячутся» (III, 155). «Паккулину взамен спичек использовали. Паккулина искру воспринимала и начинала шаять, прикуривать было хорошо» (IV, 378).

Цитаты дают представление об образности разговорной речи, среди них много пословиц, народных поверий, выражений из фольклора, хотя специальная фольклорная лексика не входит в словарь. Это сделано сознательно. Фольклорная лексика — это совершенно особый слой лексики. В Карелии сделаны классические записи фольклора, лексика которой очень своеобразна, и все многообразие этой лексики невозможно было включить в диалектный словарь. Приведем примеры примет: «Синичка ледок спихнула» (с прилетом синиц вскрываются реки) (III, 106). «Бумажкой как пашешь стол — распоришься» (IV, 412).

Очень богато представлена фразеология. В отличие от многих толковых словарей здесь фразеологизмы тщательно разработаны. Различные типы устойчивых словосочетаний выделяются разными знаками (правда, этот принцип не всегда выдерживается). Вообще различных знаков в словаре много, их значение не всегда соответствует общепринятым (например, тире (—) употребляется в нескольких значениях, одни фразеологизмы даются со знаком >, другие — со знаком Δ, а ромбом (◊) обозначается не фразеологизм, как это делается во многих словарях, а нечто иное). Поэтому прежде чем пользоваться словарем, необходимо

прочитать приведенные в I томе основные положения построения словаря. Иногда фразеологизм отличается от нормативного употребления каким-либо одним словом, например: «Хоть стой, хоть лежи», сравните нормативный вариант «Хоть стой, хоть падай». Однако в большинстве случаев это совершенно иные фразеологизмы, не имеющие аналогов в литературном языке, например: «Из лаптей не выходить» (жить в бедности); «Бросать остудну» (посеять вражду путем наговора); «Не высказывать мамы» (о сильном опьянении): «Раньше не пили вина на тройцу, а теперь напьются, мамы не выскажут» (I, 291); «Хватить шилом паточки» (хлебнуть горя) (IV, 408); «Дать мутовку» (в свадебном обряде: отказать жениху) (I, 424).

В словаре много экспрессивной лексики, она снабжена специальными пометами. Приведем для примера слово *мадеж*, бран. 'чёрт': «Возьми мадеж этих шефов, косить не умеют, только поля портят». Эта цитата любопытна тем, что она отражает социально-экономическую жизнь деревни в период сбора лексики, когда на сельхозработы приезжали шефы из городов.

В словаре много дескриптивных слов: «Дрова в печке кюдают-мадают» 'тлеют, плохо горят'. Особенно много дескриптивных глаголов, заимствованных из прибалтийско-финских языков, в которых эта категория исключительно богата. Например, глаголы *боройдать*, *бузайдать*, *бурайдать*, *вырайдать*, *гайкать*, *галайдать*, *гумайдать*, *гурайдать*, *гурондать* и множество других имеют прямые соответствия в прибалтийско-финских языках. В русском языке они обрастают еще приставками и суффиксами (*закаландать*, *закобайдать*, *закубайдаться*) и новыми оттенками значений. Например, слово *аред* (ср. вепс. *äred* 'сердитый') имеет четыре значения. Интересно отметить, что из заимствованной лексики словарь содержит много такого, что уже утрачено в карельском и вепсском языках, в нем зафиксирована лексика разных исторических пластов, но это слова современной живой речи.

Своеобразие русских говоров Карелии состоит в том, что они вобрали в себя значительный прибалтийско-финский субстрат (карельский, вепсский, саамский) и заимствованные из этих языков слова. В этом смысле словарь представляет собой настоящий клад материала для изучения лексики прибалтийско-финских языков и процессов контактирования этих языков с русскими народными говорами. По полноте охвата заимствованной и субстратной лексики он значительно превосходит такие известные диалектные словари, как Словарь областного Олонецкого наречия Г. Н. Куликовского или Словарь русских народных говоров (издание АН СССР).

Как известно, начавшееся на рубеже тысячелетия продвижение славян на Север, населенный финно-угорскими народами, постепенно сформировало саамско-прибалтийско-финско-русский этнический мир. В результате многовекового соседства и смешанных браков образовалось двуязычное население. Местное прибалтийско-финское население, ассимилируясь, вносило в русский язык свои слова и выражения, с другой стороны, пришлое население заимствовало, прежде всего, те слова, которые были связаны с окружающей средой и бытом, например: ландшафтную лексику (*лакса, лижма, ламба, курба*), названия животных и растений (*канабра, хонга, бармак, кукарандыш*), названия рыб и рыболовных снастей (*матюк, салага, гарва, калега*), названия предметов быта (*кенъги, коты, керги, керпач, кярега*), названия кушаний (*кокоры, кюрзи*). Заимствовались также отдельные морфемы, например: именной суффикс *-га* < *-кка* (*лудога, мудега*), *-укса* < *-ukse* (*верандукса*), глагольный суффикс *-айда* < *-aida*, широко употребляемый в русском языке (*бурайдать, кобайдать, кярейдать, лабайдать*). В большинстве этих заимствований ударение падает на первый слог, что свойственно для прибалтийско-финских языков.

Многие слова карельского и вепского языков, уже забытые их первоначальными носителями, бытуют в северно-русских говорах как живые, современные слова. Таким образом, словарь ценен как источник сведений по этнографии не только русских, живущих на Севере, но и карелов, вепсов, саами, отражая многовековые связи между этими народами. Ведь все, чем жил народ, запечатлелось в его языке.

Совершенно ясно, что собрать сегодня такой материал было бы уже невозможно: диалекты исчезают, многие деревни опустели, а в оставшихся новое поколение уже не является носителем говоров. И очень важно то, что словарь зафиксировал и оставляет в наследство будущим поколениям все богатство народной речи. К этому словарю будут обращаться исследователи (филологи, историки, этнографы, краеведы), писатели и журналисты, учителя и студенты, все, кто интересуется историей и культурой нашего северного края. К сожалению, из-за недостаточного количества средств на издание словарь выходил очень маленькими тиражами, не более 400 экземпляров.

По словам А. С. Герда, «это никак не покрывает потребности, в продажу поступает лишь небольшая часть издания, и тираж расходуется моментально. Конечно, словарь получают все крупные библиотеки Севера России. Многие районные центры (например, Лодейное поле, Каргополь, Кемь, Кандакша и др.) заказывают словарь наложенным платежом. В качестве подарка словарь послан и в некоторые зарубежные страны.

Средства для издания добывались с огромным трудом, часто «с миру по нитке», хотя основные расходы нес Санкт-Петербургский университет. Надо отметить, что в издании словаря большое содействие оказали Министерство образования Российской Федерации и Гуманитарный фонд (начиная с третьего тома). Большое спасибо им. Хочется отметить также, что наряду с Санкт-Петербургским университетом наиболее существенную роль в работе над словарем сыграли кафедра русского языка Петрозаводского университета (Т. Г. Доля, М. Я. Кривонкина, А. Г. Малюткина, Е. И. Новикова, Н. И. Скуратова, В. С. Суханова), кафедры русского языка Карельского педуниверситета (Л. П. Михайлова) и Вологодского пединститута (Ю. И. Чайкина).

На основе материалов словаря написано уже несколько исследований — статей, диссертаций, дипломных работ. Этот словарь, безусловно, займет достойное место в ряду региональных диалектных словарей, вышедших и выходящих в России. Отрадно, что несмотря на экономические трудности выходят такие монументальные работы. Словарь будет интересен и в будущем, ибо диалекты исчезают, а в них отражена история и культура многих поколений. Это памятник культуры нашего северного края и он останется на века.

Список литературы

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994—2005. Т. 1—6.

Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Изд-во «Наука», 1965—2004. Вып. 1—38.

Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

© *М. В. Наумова*

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ УПРАВЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Синтаксис карельского языка менее исследован в сравнении с другими разделами грамматики. В работе В. П. Федотовой «Очерк синтаксиса карельского языка» синтаксический уровень впервые получает систематическую оформленность (Федотова В. П., 1990).

В карельском языке управление глаголов не подвергалось специальному исследованию. В научных публикациях рассматриваются лишь